

Июнь

Его звонок застает меня в супермаркете. Говорю “привет”, он откашливается, но в ответ ни слова. По слухам, гоняет ночами на своей “рено-пятерке”.

Спрашиваю, как дела.

— Прости, что беспокою, — говорит.

— Да брось.

Он затягивается сигаретой.

— Заплатили тебе в итоге?

— Пока нет.

Мы молчим — я так в детстве смотрел, как он чинит розетку, дверцу буфета, водосток на заднем дворе. На его легкие пальцы.

Потом говорю, что собираюсь в гости.

— В самом деле приедешь?

— У тебя же день рождения.

— А с работой что?

— Разберусь.

Через пять дней я в Римини. Жалюзи в доме опущены, дверь гаража нараспашку. Он, в своей вечной панаме, копается в помидорах.

— Привет, — отрывается от грядки, лицо блестит от пота. — В пробке стоял?

— Не, обошлось.

Проходя мимо, пытается перехватить у меня сумку, я уклоняюсь. Следую за ним в нижние комнаты, но в коридоре останавливаюсь. Только тогда он понимает, что спать я собрался наверху.

Поднимаю жалюзи в спальне, и лучи солнца, взметнув мелкую пыль, заливают стеллаж с альбомами футбольных карточек “Панини”. Вижу в окно “рено-пятерку”, на которой он ездит уже двадцать семь лет. Диск погнут, на бампере потертости. Дон Паоло звонил мне в Милан предупредить, что отца опять до самого рассвета не было дома, пахнет неприятностями.

— Да какие там неприятности...

— В баре говорят, что он приходит туда уже затемно, лицо перекошено... Ну, ты своего отца знаешь...

— Поговори с ним.

— Сам говори, Сандро.

Потом отец приносит наволочки и прочее. Заправляем постель, основательно встряхнув простыню, как это всегда делала она. Наши движения неторопливы и точны, а когда заканчиваем, он тотчас выходит из комнаты и удаляется на кухню.

Шарит по ящикам, гремит посудой, чем-то

шумно хрустит. Заглянув, вижу: стоит на цыпочках на стуле, в консервах роется. Пузо наел.

Бесшумно, стрекозой спорхнув на пол, идет к плите, включает газ. Невестя откуда достает спичку, чиркает, головка вспыхивает: Нандо, стрелок с Дикого Запада.

Чуть позже выхожу привычным маршрутом. Пешочком по виа Маджеллано, по Ина Каза — кварталу социального жилья с его узкими улочками, где, прильнув к окнам, ждут наступления июня. Желанный июнь приходит, а с ним и толпы понаехавших на открытие сезона, и радостное предвкушение, которым мы так томимся вдали от моря.

До парка, чтобы стряхнуть с себя последние остатки Милана, иду, как всегда, мимо начальной школы, а потом срезаю двором подковообразного здания. К финишной прямой у бара “Дзета” ботинки уже окончательно запылились, а Север выветрился из головы: меня ждут молодые артишоки под соусом из тунца. Кто-то здоровается, кто-то шепчет: это ж сынок Пальярани.

Когда я возвращаюсь, в доме вкусно пахнет, но на кухне никого нет. Он торчит в моей комнате, проверяет москитную сетку. Кивает: порядок, мол, — и уходит. Успел выгрести все из тумбочки, прибрался на письменном столе. Сумка так и валяется на полу, но молния на сей раз расстегнута где-то на треть.

Ужинать садимся ровно в половине восьмого, но сперва он интересуется, погасил ли я свет. Какой еще свет? Да в комнате, откуда вышел. Совсем

помешался на экономии, он и на нее ворчал: мол, ты не за “Энель”^{*} замуж выходила.

Он запек цыпленка с картошкой, сделал соус с баклажанами и цветками тыквы. Глядя, как я обсасываю румяную куриную кожицу, берет и себе:

— В Милане-то небось одна заморозка...

— Ну уж.

— А откуда тогда мешки под глазами?

— Сказал Кларк Гейбл.

Потом он снова заговаривает об оплате, которую я жду. Рвется помочь.

— Все нормально, рано или поздно придет.

— Те же десять восемьсот?

— Десять четыреста.

— Тебе сорок лет, сколько можно!

— Зря я тебе сказал.

Фыркает.

— Точно не впритык?

— Да нормально всё.

Он доскребаёт остатки, отрезает хвостик баклажана и бросает туда же, прямо в тарелку.

— Стоило с насиженного места уволиться, и вот те на. — Потом, вскочив, достает из буфета вино, одним движением скручивает пробку, вертит ее в руке. — Когда мы закрыли бар “Америка”, помнишь, я еще орал все время?

— Помню, ты вечно злой был как черт.

— Я Роберти лет за пять до того четырнадцать миллионов одолжил, только он мне их не вернул,

* “Энель” (*Enel*) — международная компания, производящая и распределяющая электроэнергию и газ. (*Здесь и далее — примеч. перев.*)

а они бы знаешь как в баре пригодились, — и кладет мне еще цветок тыквы.

— К моим деньгам это как относится?

— А так, что у меня все духу не хватало те миллионы потребовать. Думаешь, я ему звонил, Роберти этому? Да ни в жисть! — Он утирает губы. — Что ни вечер, все садился и прикидывал, как концы с концами свести. Ты-то хоть им звонил?

Киваю.

— Хватит нам и одного бара “Америка”, Сандрин. — Он наливает мне, поднимает бокал. — Приятного аппетита.

Но я знаю, что дело не в баре “Америка”. Дело в ящике персиков “кардинал”. И в траектории, которая успеваает измениться, пока они с дедом эти персики собирают: отцу пятнадцать, он собирается в Равенну учиться на геодезиста.

Это она мне рассказала, пока мы взбирались к замку Веруккьо: рука уперта в бедро, лодыжки изящные, как у балерины, и так не сочетаются с маминым телом. Вконец запыхавшись, она чуть замедлила шаг и выдохнула: “Ты, Котя, университет выбирай по душе, а не как твой отец в тот день, в саду Сан-Дзаккария”.

Мы остановились взглянуть на долину Марекья под стеной.

Огромный фруктовый сад в Сан-Дзаккарии, помнишь? Представь: дедушка Джулиано, рядом с ним твой папа — он как раз решил, на кого будет учиться. Счастлив: очень уж нравятся ему все эти стройплощадки, фундаменты, уровни и квадратные метры. Думает о них, даже укладывая персики в ящик.

Стоило обогнать маму, как она схватила меня за футболку. Я протянул руку, взял ее на буксир, а она рванула вперед и сама меня потащила.

В саду тем временем папа поднимает ящик, который ломится от персиков, и с помощью твоего деда грузит в стоящую у дренажной канавы тележку. За канавой дорога, и по ней в этот самый момент идет инженер Русси. Здоровается с дедом, здоровается с папой, спрашивает, как дела, и тут взгляд его падает на персики: хороши ли? Дедушка жестом предлагает попробовать, Русси подставляет руки, готовясь поймать персик на лету. Но кто, угадайте, бросает ему этот персик? Твой папа: отличный бросок. Ты ж его знаешь, в такую мишень да не попасть? Поинтересовавшись, не думает ли папа стать бейсболистом, инженер Русси откусывает “кардинал”, а пока жует, ему сообщают, что папа собрался в геодезисты. Русси, откусив еще, ищет глазами деда: поздно уже в геодезисты, теперь надо поступать на электронщика. На электронщика? На специалиста по электронике и телекоммуникациям, в Чезену, а то в Италии нынче каждый первый геодезист. Бросив косточку в канаву, Русси прощается и уходит. Дедушка склоняется над ящиком, продолжая укладывать персики, хотя они и без того уложены.

А потом?

Мы как раз почти закончили взбираться к Веруккьо.

А что потом... Твой папа уже купил линейки, угольники и миллиметровку. Но после тех персиков “кардинал” все разом взял да выбросил.

Со стола убираем под новости. Он заваривает растворимый кофе, разбавляет молоком. Ставит чашку и мне, трет глаза. Плечи пловца, а бедра девчачьи. И усы. Косит под Волонте у Серджо Леоне, а выходит Д'Алема*. Выпив таблетки от сердца, вдруг тянется к колоде для брисколы**, лежащей в плетеной корзинке.

— Давай сыграем.

Я пью кофе.

— Играем или нет? — он отхаркивается, прочищая горло.

— Мне поработать надо.

— Всего партеечку, — и начинает тасовать. Потом надевает очки, закуривает. Мне сдает три карты.

Братъ не спешу. Гляжу на него, он — на меня.

— Партеечку — и хватит, Сандро.

Играем. На третьем ходе бубновая тройка бьет моего бубнового короля, и уголки его губ ползут в стороны, как у лягушонка. Ухмыляется:

— Вечер обещает быть нескучным!

— А обычно, значит, скука смертная?

Он давит окуроч в пепельнице.

— Вчера давали Скорсезе — “Славных парней”. Помнишь сцену, где официант с забинтованной

* Джан Мария Волонте (1933–1994) — знаменитый итальянский актер. Снимался в том числе в спагетти-вестернах режиссера Серджо Леоне (1929–1989). Массимо Д'Алема (р. 1949) — итальянский журналист и политик, премьер-министр Италии (1998–2000).

** Брискола — карточная игра со взятками, колода состоит из 40 карт. Вместо короля, дамы и валета используются разные комбинации (обычно вариант с королем, конем и пажом).

ногой, а Пеши* в него стреляет, — взяв карту, он сует ее к тем, что держит в руке. — А ты, ты чем по вечерам занят?

Я тоже беру карту, кончики пальцев совсем сухие.

— Работаю, гуляю. Как-то так.

— Джулию еще вспоминаешь?

Бью его пикового коня тройкой.

Специалист по электронике и телекоммуникациям, кондуктор в туристических автобусах, курсирующих вдоль побережья, железнодорожник, бармен, программист на железной дороге. Одно только он не желал писать в удостоверении личности: танцор.

Закончив партию, выходим на террасу, я тоже закуриваю. И тут же предлагаю другую игру: где выберешь оказаться, имей ты на миллион евро больше и будь на пятьдесят лет моложе?

Он сует сигарету в горшок с геранью и принимает: по Ина Каза тянет рекой. Отвечает не раздумывая:

— Снова с папой в поле поработать. И на танцуйки в Милано Мариттима с твоей мамой.

Но видно, что мысленно он уже мотыжит дерн вместе с отцом: надо успеть, пока тот жив.

— А ты?

— Мне пятьдесят так просто не сбросить.

* Джо Пеши (р. 1943) — американский актер. Много лет сотрудничал с режиссером Мартином Скорсезе (р. 1942), в том числе снялся в фильме “Славные парни” (1990).

— Ну, двадцать пять.

Понимаю, что в свои пятнадцать возвращаться не хочу. Рожа в веснушках, к тому же тюфякам вроде меня в Римини спуску не дают.

— Мне бы в Лондон, квартиру на последнем этаже да за прохожими на улице подглядывать.

— А миллион?

— Квартирку на последнем этаже.

Он прищуривается, взгляд задумчивый. Потом выкашливает дым и заявляет: мол, есть в этих правилах одна заковыка:

— Кой смысл спрашивать, что бы я полвека назад купил на миллион евро, а в тех деньгах — порядка двух миллиардов лир? Лучше так: где ты хотел бы оказаться, сбросив полсотни лет, и что прикупил бы на нынешний миллион.

— Ну и?

Он, не ответив, перегибается через перила, разглядывает копошащихся внизу дроздов. В Ина Каза уже лето, на балконах гам, по дворам вопит ребяшня. А он все молчит, курит, стоя ко мне спиной. Всегда отворачивается, когда хочет побыть один.

— Лучше подумай о миллионе, который нужно потратить прямо сейчас. — Я хлопаю его промеж лопаток и ухожу в комнату.

Включаю компьютер, рядом на столе лампа на длинной ножке, пачка старых квитанций, коробка с авторучкой, подаренной еще на окончание университета. Вскрываю упаковку и, записав в ежедневник “позвонить в банк по поводу кредита”, приступаю к работе.

Через сорок минут “пятерка”, взревев, уезжает.

Он снимал со стен ее картины. Но вечерние платья пока здесь. И туфли. И сейф за двумя последними томами энциклопедии Фаббри.

Разбираю сумку: четыре футболки, трикотажный джемпер, две рубашки, сандалии, три пары брюк. Застегиваю молнию, укладываю и развешиваю все в шкафу. Сдается мне, когда я был подростком, он тоже шарил по моим рюкзакам, по карманам. Искал улики, подтверждающие подозрения.

Работать кончаю за полночь. Его еще нет. Оставил на плите кастрюлю и в ней на доньшке молока, на весах — спичечный коробок. Замочил нут с лаврушкой, приготовил бутылку — перелить масло. Съедаю кусок эмменталю: его сыр, который он нарезает, виртуозно лавируя между дырок. Колода для брисколы лежит, перетянутая резинкой, в плетеной корзинке, на горке грецких орехов. Рядом с французской*. За окном, на виа Менгони, черным-черно.

Беру французскую колоду. Взвесив в правой руке, перебрасываю в левую. Сажусь, стягиваю резинку. Рассыпаю, касаюсь пальцами лежащих в беспорядке карт.

Потом собираю. Тасую по-американски: вторая фаланга указательного пальца давит на рубашку. Теперь по-индийски: большой палец ходит туда-сюда, ладонь согнута раковиной. Снижаю темп, когда кончики пальцев начинает пощипывать. Выкладываю полумесяцем, собираю, повторяю еще разок.

* Французская колода состоит из 52 карт и не включает джокеров.